

ГЛАВА 1

«Килограммы, которые вы сбросили в фитнес-зале, не заплакали от разлуки, они быстро помчались к хозяйке на кухню и спрятались в холодильнике».

— Нет, нет, — сказал худощавый мужчина в голубой кепке. — Кто придумал этот текст? Мне такая фраза в рекламном видео не нужна.

Все, кто находился в комнате, замерли.

— Афанасий Сергеевич, что вам не нравится? — осторожно спросил парень, который, несмотря на теплый день, облачился в темно-коричневый шерстяной костюм, жилетку и повязал галстук.

Мужчина в голубой кепке стукнул кулаком по столику на колесах, который стоял около его кресла. Стол откатился к стене, ударился о нее, чашка, сахарница, молочник и вазочка с печеньем оказались на полу.

— Текст неправильный, — по-прежнему не повышая голоса, объяснил он, — и, Вадим, во-первых, я — Константинович. А во-вторых, просто — Афанасий!

— Да, да, конечно, — смутился юноша, — я не хотел вас обидеть... Э... ну...

— Не первый раз предупреждаю насчет отчества, — журчал Афанасий, — оно мне конкретно не нравится, и, Вадим, я объяснял причину. Я воспитывался в детдоме, к двери которого меня подбросила мать. Ее имя мне неизвестно. А может, и не она меня на ступеньки положила. И про папашу я никогда не слышал! Константиновичем стал потому, что так решила директор приюта. Афанасий Константинович! Не выговоришь сразу, предварительно потренироваться нужно. Трудное словосочетание. Неудобное. А если человек ломает язык, пытаюсь с вами поздороваться, то он нервничает, и отношения не складываются. Понятно объяснил?

— Да, Афанасий Сергеевич, — ответил парень.

Мужик закатил глаза.

— Боже, пошли мне терпения. Опять «Сергеевич»! Увы, я работаю с теми, кто есть. Приведите сюда автора незабываемой фразы про килограммы и холодильник.

Юноша стал пятиться и наступил на серую кошку, которая мирно спала на ковре. Киса испугалась, издала утробный звук, вцепилась когтями в брюки неловкого парня и повисла на них.

Вадим замер.

— Эразм Попандополович, подергайте ногой, Брита свалится, — посоветовал хозяин.

— Кто брит? — прошептал бедолага. — Ну, да, я брился с утра.

Афанасий криво усмехнулся.

— Эразм Попандополович, Бритой зовут кису. Лично я уже не надеюсь, что вы запомните мое отчество, перестанете величать меня «Сергеевичем» и будете обращаться ко мне так, как я неоднократно просил, просто по имени. Но я не стану шипеть, царапаться, кусаться, просто откажусь от ваших услуг. А Брита использует другие методы! Я не всегда одобряю поведение кошки, но в данном случае она, напав на человека, права. Вы на нее наступили, испугали.

— Совершенно случайно, — начал оправдываться парень.

— Хорошо, что не было злого умысла, — протянул хозяин, — но, Эразм Попандополович, если без желания убить Эразма Попандополовича, на вас свалится с десятого этажа чугунная гиря, что случится с Эразмом Попандополовичем после того, как она Эразму Попандополовичу на темечко ухнется?

Вадим потер макушку.

— Ну... ничего хорошего.

— Когда Эразма Попандополовича повезут на кладбище, будет ли для него иметь значение, что у гири не было злого умысла? — не утихал Афанасий.

— Он умер, — вздохнул парень, — ему все равно.

— Вот и Брите фиолетово, что у вас не было желания ее ранить, — хмыкнул Афанасий.

— Ранить? — испуганно повторил парень. — Где?

— Не видите кровь? — прищурился хозяин кошки.

— Нет, — жалобно признался Вадим.

— Хорошо. Просто отлично.

— Почему? — окончательно растерялся молодой человек.

— Потому что ее там нет, — объяснил Афанасий. — Ступайте, Эразм Попандополович. Да не забудьте, куда идете. Помните задание? Я велел вам принести паштет из птицы киви.

Юноша улетел, как комок пыли, слутый сквозняком.

— Афанасий, его зовут Вадим, — прочирикала девушка в розово-голубом платье с широкой юбкой.

— Знаю, — кивнул тот.

— Почему тогда ты обращаешься к нему Эразм Попандополович?

— А потому, что он меня упорно называет Афанасием Сергеевичем, — развеселился ее собеседник. — Он заковыристо выражается, а я ему в ответ с подвывертом.

Я молча слушала беседу. Афанасий Константинович Рыбаков появился в офисе Макса неделю назад, приехал один, не был скандальным, эпатажным, вежливо попросил:

— Можете проверить кое-каких людей?

— Конечно, — ответил Макс. — Речь идет о ваших сотрудниках? Подозреваете, что они предоставили поддельные характеристики? Замешаны в чем-то неблаговидном?

— Нет, — поморщился Рыбаков, — надо до-тошно изучить мать, отца, брата, сестру.

— Вы решили жениться, — улыбнулся Макс, — нет проблем.

— Играть свадьбу? — поморщился Афанасий. — Да никогда. Не желаю изгадить свою жизнь. Необходима проверка моих родных.

Макс слышал от клиентов много всякого, он давно ничему не удивляется, но слова Рыбакова моего мужа поразили.

— Проверка данных близких родственников? Вы же их хорошо знаете.

Афанасий провел ладонью по волосам.

— Нет, я с ними не так давно познакомился.

— С родной матерью? — не выдержала я.

— Звучит странно, а по сути обычно, — вздохнул Афанасий и рассказал свою биографию.

Рыбаков родился двадцать девятого февраля. Но это все, что ему известно. Далее сплошные вопросы. Кто мать Афанасия? Отец? Есть ли у него братья, сестры? По какой причине совершенно здорового мальчика без всяких физических уродств и недугов подкинули на порог дома малютки? Ответов на эти вопросы нет. Ребенка заботливо завернули в несколько теплых одеял, хорошо одели, снабдили соской. Тот, кто избавился от крошки, не хотел причинить младенцу вреда. Когда директор приюта развернула кулек, она обнаружила записку, напечатанную на машинке: «Мальчик. Афанасий. 3,520. 29 февраля». Конечно, директор сообщила в милицию, но найти ро-

женицу было невозможно. Все бирки с вещей малыша срезали, пеленку, одеяло, шапочку купили в «Детском мире», но в советские годы там не было богатого выбора. Все новорожденные московские мальчики были завернуты в голубые клетчатые одеяла из байки, девочки в розовые. Мать-кукушку не нашли.

Афанасий рос послушным, вполне симпатичным внешне. Оставалось лишь удивляться, почему никто из приемных родителей не забрал ребенка, когда тот еще не умел разговаривать. В дома малютки редко попадают совершенно здоровые дети. Как правило, от наследников отказываются женщины легкого поведения, алкоголички, наркоманки, малолетние. К сожалению, у них часто рождаются больные дети, и таких в приюте было много. Но вот странность, недужных забирали, а на хорошенького крепкого Афанасия никто не обращал внимания.

Спустя время Рыбакова перевели в интернат. В четыре года он бойко декламировал стихи, в пять сам научился считать, в шесть, видя тягу мальчика к знаниям, его отдали в первый класс. Афанасий был покладистым, не плакал по каждому поводу, не злился, не завидовал, отлично учился, много занимался спортом. Но потенциальные родители равнодушно перелистывали в альбоме страницу с его фотографией. В тринадцать лет Афанасий понял: ему не найти семью. Он давно жил в приюте и прекрасно знал: шансы стать чьим-то сыном резко уменьшаются

с возрастом. Младенца в пеленках, малыша, который делает первые шаги, двухлетку, едва лепечущего слова, — их возьмут охотно. Надежда обрести родителей есть у первоклассника. А вот тем, кто вступил в подростковый возраст, не стоит мечтать об ужинах с мамой-папой-бабушкой.

Когда Афанасию исполнилось четырнадцать, в интернат приехала уже немолодая семейная пара Фотовых: Игорь и Анна. Муж рассказал директорисе, что их с женой сын случайно погиб, провалился на улице в люк, который забыли закрыть рабочие. Несколько лет родители оплакивали подростка, они не собирались заменять его сиротой из приюта. Но пару дней тому назад в больницу, где работал хирургом безутешный отец, привели мальчика. Игорь обомлел. Школьник как близнец походил на погибшего Никиту. Внешность, голос, манера щурить глаза при стопроцентном зрении, спокойный характер...

— Что с тобой случилось? — боясь потерять самообладание, поинтересовался доктор.

— Я занимаюсь спортивной гимнастикой, — пояснил мальчик, — на тренировке упал с колеца, головой тюкнулся. На полу лежали маты, сейчас у меня уже ничего не болит, но тренер испугался.

Покойный Никита тоже по мистическому совпадению занимался спортивной гимнастикой. Фотов испугался, что потеряет сознание, перед ним сидел его покойный сын. Живой.

ГЛАВА 2

Найти детдом, в котором жил Афанасий, оказалось просто. Следующую неделю Игорь и Аня исподтишка следили за мальчиком, наблюдали, как он идет в школу, бегают с другими детьми, и все больше убеждались, что видят родного сына. Решив забрать паренька, Фотовы прикатили в интернат, но, понимая, что о воскрешении Никиты говорить не стоит, их сочтут сумасшедшими, просто попросили директрису познакомить их с мальчиками-подростками. Ангелина Борисовна протянула им альбом.

— Сначала на внешность гляньте, затем биографию почитайте, меддокументы посмотрите.

Афанасий, конечно же, ничего не знал о происходящем. Мальчик был немало удивлен, когда в спортзал, где он занимался, влетел вроде знакомый мужчина и закричал:

— Аня, вот он!

Вслед за ним вбежала полная женщина и рыдалась:

— Никита, ты вернулся.

Афанасий не успел опомниться, как незнакомка кинулась его обнимать. Мальчик начал отбиваться, тренер Юра бросился ему на помощь. С теткой приключилась истерика, ее муж тоже зарыдал. Юра понял: происходит нечто странное, отпустил всех детей, оставил одного Афанасия и стал расспрашивать незнакомцев. Игорь вынул из сумки фото и положил его на стол.

— Кто это?

— Фася, — удивился тренер, назвав мальчика так, как к нему обращались друзья.

Рыбаков сразу узнал себя.

— Это я. Точь-в-точь такой снимок в школе на доске почета висит.

— Нет, — возразила, всхлипывая, Анна, — перед вами Никита, наш погибший несколько лет назад сын. Детка, как давно ты в интернате?

— С рождения, — ответил мальчик, — я подкидыш. Найден на ступеньках дома малютки.

— Нет, нет, — заломила руки Фотова, — я не могу ошибаться. Ты Никита.

— Глупо приезжать в спортивный центр и кидаться на ребенка, — рассердился Юра. — Не спорю, пацан на фото и Фася прямо одно лицо. Но Рыбаков точно из детдома. Вам туда надо, к директорисе.

— Мы ходили к ней, — пояснил Игорь, — Ангелина Борисовна рассказала нам о тех, кого можно забрать. Про Афанасия сначала даже не упомянула. Когда мы назвали фамилию и имя, она заявила: мальчик не подлежит усыновлению.

— Почему? — удивился Афанасий.

— По словам местной начальницы, у Рыбакова есть родители, он не отказной, отдан в детдом временно, — объяснила Анна.

Афанасий разинул рот и повторил:

— Родители?

— Она так сказала, — заплакала Анна, — но я же вижу, ты Никита! Мой! Живой! Мы с папой

узнали, где ты тренируешься, и пришли, чтобы тебя обнять!

Вернувшись в детдом, Афанасий прямиком направился к директрисе, сообщил ей, что случилось на тренировке, и прямо спросил:

— У меня есть отец и мать?

— Извини, милый, ты подкидыш, — вздохнула Ангелина, — хотя, конечно, у каждого человека есть родители. Иначе как он на свет появился?

— Почему моего фото нет в альбоме? — возмутился Фася.

Ангелина достала из шкафа толстый том, перелистнула страницы.

— Вот оно!

Подросток пришел в недоумение.

— Но Фотовы сказали...

— Они не только мое наказание, их во многих детдомах знают, — махнула рукой Ангелина. — Фотовы говорили тебе, когда погиб Никита?

— Года два-три назад вроде, — без особой уверенности ответил мальчик, — как-то так.

— Сюда они уже давно ходят, — грустно объяснила Ангелина, — сначала я им поверила. Привела подростка, о котором пара сказала, что он вылитый их Никита, это случилось лет десять-двенадцать назад. Ой, нет смысла тебе все рассказывать. Фотовы психиатрические больные, не агрессивные, тихие. Детей у них никогда не было, на этой почве они умом и тронулись. Два раза в год, осенью-весной, у них случается обо-

стрение. Муж с женой начинают ходить по школам, снимают чью-то фотографию с доски почета. Твоя же там висела?

— Да, — согласился Афанасий, — лучший ученик месяца. Я ни одной четверки не получил за это время, только пятерки.

Ангелина убрала альбом.

— Потом они со снимком несутся к классному руководителю мальчика, рассказывают про бедного Никиту и ученика, его близнеца. Если у мальчика есть мама-папа-бабушка-дедушка, Фотовы к ним со своей сказкой не спешат. Головы у них больные, да они понимают: их взащей выгонят. Но иногда ребенок оказывается из интерната. Ненормальные дважды в одну школу не заглядывают, а вот в приюты многократно заруливают, их там прекрасно знают. Наша Наталья Ивановна, секретарь, увидела, как пара входит в приемную, заметила, что у Игоря в руках твой снимок, и предложила больным пять минут посидеть у двери. А сама поспешила в мой кабинет и предупредила меня. Я быстро твой снимок спрятала. Остальное ты уже знаешь. Извини, дорогой, я полагала, что на этом история закончится. До сих пор они утихали, услышав про то, что «их» мальчика нет. А с тобой вон как получилось! Ступай в столовую, баба Катя даст тебе пирожков. Понимаю, тебе обидно, но прости Фотовых, пожалей их, они не здоровые люди. И мой тебе совет: не ищи родню.

— Почему? — нахохлился Афанасий.

— Неизвестно, кого найдешь, — пояснила Ангелина Борисовна. — Хорошая мать ребенка никогда не бросит.

— Понимаю, — по-взрослому ответил паренек. — Но вдруг мама во мне нуждается? Вдруг ей плохо? И, возможно, она раскаивается, что бросила меня.

Ангелина встала.

— Фася, ты хороший мальчик, умный, но жизненного опыта не имеешь. А у меня он есть. Печальный. Почти все воспитанники-подкидыши, которые нашли своих родных, потом горько пожалели о знакомстве с ними. Родители часто оказывались уголовниками, наркоманами, пьяницами. Мерзавцы в свое время не захотели ребенка воспитывать, зарабатывать ему на хлеб и суп, одевать, обувать, учить. А когда мальчик или девочка взрослыми к ним пришли, вот тут лились сопли, слезы радости. Думаешь, подонки ликовали, что увидели свою плоть и кровь? Не смейся! Они знали: воспитанник детдома получил от государства жилье. И дураком из интерната не выпустят, выучат, хорошую профессию дадут. Отбросы общества понимают: у них появился кормилец. Чихнуть не успеешь, как маргиналы тебе на шею садут, запрягут и поедут с песней.

Директриса открыла сейф.

— Я не имею права тебе личное дело показывать, но ты умный, болтать направо и налево не станешь. Вот, смотри.

Перед Афанасием на стол легла папка.

— Изучи внимательно, — велела Ангелина, — рассмотри фото одеяла, пеленок, корзинки, соски, себя самого в возрасте нескольких дней. Снимки милиция делала. Следователь очень хороший делом занимался. Кстати! Он жив-здоров, до сих пор работает, Ступенькин Прохор Сергеевич. Дам тебе его служебный телефон, он расскажет, как тебя взял на руки, а ты его опрудил.

Афанасий молча пролистал папку, добрался до анкеты. «Мальчик. Дата рождения — 29 февраля (предположительно). Имя — Афанасий (предположительно). Отчество — неизвестно. Мать — неизвестна. Отец — неизвестен. Медучреждение, откуда поступил в дом малютки, — неизвестно. Справка о рождении — отсутствует. Вес — 3,520. Рост — 51 см (обмер и взвешивание сделано медсестрой Ивановой в доме малютки). Первичный осмотр педиатром в роддоме — данные отсутствуют».

Афанасий закрыл папку.

— Сейчас отыщу телефон Ступенькина, — пообещала Ангелина.

— Не надо, — отмахнулся подросток, — он же обо мне ничего, как и вы, не знает.

Директриса обняла мальчика.

— Афанасий! У тебя не очень радостное детство. Как я ни стараюсь, но в интернате настоящую домашнюю обстановку не создашь. Вас кормят, поят, одевают, не обижают, не бьют, поверь, не везде так. Но мамой я каждому стать не могу и воспитатели тоже, у нас дома свои дети есть. Не стану врать, я сына-троечника люблю больше,

но прекрасно отношусь и к тебе. Выслушай меня внимательно. Золотую медаль, о которой ты мечтаешь, не получишь. Их на каждую школу определенное количество выделяют. Понятное дело, желанная награда сироте без роду-племени не достанется. И в институт без блата трудно пролезть. У тебя один путь — спорт. Получи звание мастера, и любой вуз тебя принять за счастье сочтет. Забудь про все. Выкинь из головы мысли о родной семье. Тебе ее никогда не найти. Утром школа, потом спортивный зал. Квартиру, которая тебе положена, я выбью. Обещаю.

ГЛАВА 3

Рыбаков окончил школу с одной четверкой по истории. Выпускник не расстроился, он понимал, что учительница, которая не поставила ему «отлично», просто выполняла приказ начальства: завалить детдомовца, который шел на золотую медаль. У Рыбакова было много блестящих кубков за победы в соревнованиях. В институт физкультуры на отделение, где готовили специалистов по реабилитации, мастер спорта, чемпион, почти круглый отличник, поступил играючи. Серьезного студента, который посещал все семинары, лекции, активно отвечал, всегда имел аккуратные конспекты, не пил, не курил и явно хотел как можно лучше овладеть профессией, педагоги заметили еще на первом курсе.